

- тельности К.А. Хакимова // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 7. С. 50-57.
9. Наумкин В.В. Советская дипломатия в Хиджазе: первый прорыв в Аравию (1923–1926 гг.) // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика). М., 1997 // [Электронный ресурс]// Институт Ближнего Востока [http:// iimes.ru] URL: http://www.iimes.ru/rus/1997/r97reg_p2.htm (дата обращения 28.10.2011).
10. Обмен письмами об установлении дипломатических отношений между СССР и Саудовской Аравией (королевством Хиджаза, султанатом Неджда и присоединенных областей) // СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. М., 1961. 856 с.
11. Попов В.В. На самом юге Аравийского полуострова // Международная жизнь. 1990. № 6. С. 70-79.
12. Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока 1921–1927. М., 1968. 327 с.
13. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. 516 с.

УДК 94

Зайцев А.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРГ: ПОИСК БАЛАНСА
МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ И
НАЦИОНАЛЬНЫМИ ИНТЕРЕСАМИ**

A. Zaytsev

Lomonosov Moscow State University

**GERMAN FOREIGN POLICY: SEARCHING BALANCE BETWEEN
EUROPEAN INTEGRATION AND NATIONAL INTERESTS**

Аннотация. Поражение во Второй мировой войне привело к пересмотру Германией своих внешнеполитических концепций и трансформации немецкого самосознания. Попытки достижения гегемонии на континенте сменились «культурой сдержанности» и стремлением к интеграции в западное сообщество государств, а место национальной идеи заняла европейская идентичность. Однако после объединения ФРГ и ГДР Германия вновь вышла на первые роли в Европе и стала проводить независимую внешнюю политику, во главу угла которой были поставлены национальные интересы. В данной статье рассматривается эволюция германской внешней политики и общественного сознания во второй половине XX – начале XXI в. Особое внимание уделяется позиционированию ФРГ в рамках Европейского союза, проблеме расширения ЕС и стратегии Германии на восточном направлении.

Ключевые слова: ФРГ, Евросоюз, внешняя политика Германии, европейская интеграция, расширение ЕС, международные отношения, национальные интересы, постсоветское пространство.

Abstract. The defeat of Germany in World War II resulted in its reconsidering the foreign policy concepts and transforming national self-consciousness. The attempts to achieve the hegemony on the continent were replaced by a “culture of restraint” and aspiration to integrate into the Western states community, while the European identity ousted the national idea. However after the reunification Germany has anew taken the leading place in Europe and started to conduct an independent foreign policy lead by the national interests. This paper considers the evolution of the German foreign policy and public consciousness in the period from the second half of the 20th century to the early 21st century. A special focus is made on Germany’s role in the European Union, the problem of EU expansion and German eastward strategy.

Key words: Germany, the European Union, German foreign policy, the European integration, EU expansion, international affairs, national interests, post-Soviet states.

Геополитические трансформации конца XX – начала XXI вв. и становление нового мирового порядка побудили ведущих мировых игроков к пересмотру прежних внешнеполитических концепций и поиску новых ролей в меняющейся системе международных отношений. В этом плане представляет безусловный интерес рассмотрение эволюции внешнеполитического курса Германии в 1990-х – 2000-х гг. – страны, обладающей третьей по объёму ВВП экономикой в мире и утвердившей за собой в последние годы место европейского регионального лидера.

Крах национал-социализма в 1945 г. имел для Германии радикальные внутри- и внешнеполитические последствия. Из Второй мировой войны страна вышла разделенной на два независимых государства и утратившей национальное единство. Включившая в себя пять восточных земель ГДР дистанцировалась от исторического прошлого и заняла свою нишу в качестве одной из стран Восточного блока, не претендуя на роль значимого самостоятельного актора в системе международных отношений. В то же время ФРГ, ставшая частью западного сообщества государств и сохранившая историческую, ментальную и политическую преемственность по отношению к догитлеровской Германии, также столкнулась с необходимостью переосмыслить свою историю и задуматься о своей роли в Европе и мире. В итоге образ действий ФРГ на международной арене стали определять три взаимосвязанных тенденции.

Во-первых, в послевоенные годы иной характер, нежели во времена Веймарской республики и кайзеровской империи, приобрели внешнеполитические установки Германии. Исторически сложившаяся идея достижения гегемонии в Европе ушла в прошлое. ФРГ всячески пыталась отгородиться от роли особо значимого субъекта внешней политики. По замечанию исследователей, от безрассудного ослепления силой маятник качнулся в другую крайность, в сторону добровольного бессилия и самоустранения, и активное

участие в мировой политике сменилось приспособлением к основным ее направлениям [17, 21; 27, 107]. Поэтому важнейшей чертой внешней политики Германии стала обусловленная «исторической ответственностью» и чувством вины «культура сдержанности», а в роли ключевых внешнеполитических интересов на первый план вышли общие гуманистические ценности и закреплённая в Основном законе идея о «служении делу мира во всем мире» [8, 1; 36, 92]. По выражению К.-Х. Борера и Т. Зоммера, ФРГ совершила «побег из глобальной политики в сказочный лес, где ее никто больше не найдет, кроме доброй феи, которая расскажет, что на планете разразился всеобщий мир» [18].

Во-вторых, важным моментом послевоенного существования ФРГ стало развитие в рамках западноевропейских и евроатлантических структур. Во многом это было связано с продиктованными странами-победительницами условиями мира, ограничивавшими ее суверенитет. В данных обстоятельствах Германия могла самореализоваться на международной арене только путем политики «встраивания» в западное сообщество государств. Со времени канцлера К. Аденауэра такая тактика стала визитной карточкой ФРГ [31, 54-57]. Ключевыми ее элементами были безоговорочное разделение демократических ценностей, стремление к тесной интеграции в систему западноевропейских государств и наднациональных институтов.

Данная политика быстро принесла свои плоды. Европейская интеграция стала для Германии средством, обеспечившим стремительное восстановление экономики и позволившим стать «экономическим локомотивом» Европы. На долю ФРГ приходилось около четверти производимого в странах Европейского Сообщества ВВП и столько же общего объема внутренней и внешней торговли, а западногерманская марка заняла сильнейшие позиции в валютной сфере [41, 43]. Кроме того, Германия выступила одним из политических лидеров объединяющейся Европы, что имело большое значение для повышения ее международного статуса. В ито-

ге уже к 1970-м гг. сложилась парадоксальная ситуация: исповедовавшая во внешней политике «культуру сдержанности», ФРГ де-факто оказалась в числе ключевых держав [31, 57].

Однако на тот момент она не хотела осознавать усиления своих политических позиций в Европе и мире. Официальный Бонн предпочитал оставаться «экономическим гигантом и политическим карликом», придерживаясь тезиса о добровольном внешнеполитическом самоограничении и отказе от части суверенитета, который мыслился возможным лишь в рамках единой Европы. На основании «исторического прошлого» западные немцы пытались нивелировать международное положение ФРГ, позиционировать себя как «образцовых европейцев» и «форпост западной демократии» [38, 57]. Государственные интересы идентифицировались с интересами европейских и евроатлантических структур вплоть до того, что интеграции в эти структуры официально отдавался приоритет в сравнении с политикой, направленной на обретение национального единства. В этой крайности ФРГ порой заходила столь далеко, что ее концепции по скорейшему созданию «федеративного государства Европы» критиковались европейскими аналитиками как «интеграционная ярость» [37, 74; 36, 92].

Наконец, характерной чертой послевоенной истории ФРГ стали во многом определявшие ее международный курс изменения в сфере психологической и ментальной. В первую очередь они коснулись немецкого национального самосознания, развитие которого вступило в период глубокой стагнации. Такие понятия, как «патриотизм», «нация», «национальные интересы» считались скомпрометированными режимом национал-социализма и во внешнеполитической плоскости нагружались негативным значением. Ярким примером самокритичности могут служить замечания политологов о том, что Германия «никогда не существовала как национальное государство за исключением семидесяти пагубных лет» [22, 98],

и что немцы вследствие постигшей их катастрофы, причиной которой стало именно национальное государство, свыклись с мыслью о нереализуемости идеи подобного государства на своей земле [16, 147]. В данных условиях на смену дискредитированной немецкой идентичности должна была прийти европейская.

Во внешней политике это сводилось к попыткам растворения национальных интересов в интересах объединенной Европы. Как шутили наблюдатели, немцы стремились в Европу, чтобы перестать быть немцами [36, 92]. Более того, термины «нация» и «Европа», как и европейское и немецкое единство, в общественном сознании и политических концепциях долгое время выступали чуть ли не как противоположности [43, 77; 37, 80]. Обычно синонимичные для какой-либо иной страны понятия «государственный интерес» и «национальный интерес» также противоречили друг другу: если первый означал «встраивание» в западное сообщество, безопасность и благополучие [21, 49], то второй априори был крайне сомнительной субстанцией. В итоге у немецкой интеллигенции и политической элиты национальный патриотизм был вытеснен патриотизмом конституционным, зиждившемся на заложенных в Основном законе ФРГ демократических и общеевропейских идеалах [36, 92].

Завершение на рубеже 80-х–90-х гг. XX в. противостояния Востока и Запада, по словам одного из экспертов, привело к воплощению в жизнь самых смелых германских мечтаний [25, 43]. Во многом неожиданно для самой страны решился вопрос о национальном воссоединении, в котором, по мнению исследователей, была поставлена даже не точка, а восклицательный знак [30, 7]. Кроме того, согласно заключенному между двумя германскими государствами, СССР, Англией, Францией и США договору «2+4», ФРГ вместе с присоединением ГДР де-юре обрела «полный суверенитет во внутренних и внешних делах» [12].

Объединение ГДР и ФРГ резко изменило ситуацию на континенте. В центре уже не

разделенной границей систем Европы появилось мощное германское государство, что повлияло на существовавший внутри ЕС баланс сил. Если ранее в региональной интеграционной группировке отсутствовал ярковыраженный лидер, то теперь в роли главной европейской величины стала выступать именно ФРГ [41, 43]. По словам политолога Г. Шёлгена, единая Германия «нежданно-негаданно, как бы в одну ночь выдвинулась в центр событий международной жизни и, не ведая того, с возрастанием собственного значения и веса оказалась в роли великой европейской державы» [43, 10]. Однако обретение полного государственного суверенитета и статуса «главной европейской силы» [20, 21] в первое десятилетие после объединения не сильно изменили вектор внешнеполитического развития страны.

Единая Германия подтвердила приверженность системе западных либерально-демократических ценностей. Лейтмотивом внешней политики страны стал лозунг политической «преемственности» и «нормальности», который означал стремление продолжать действовать на мировой арене в рамках многосторонних усилий, неукоснительно соблюдая обязательства перед европейскими структурами и не допуская единоличных инициатив [35, 67; 31, 56-58]. Ведущие общественные и политические деятели исключали возможность поиска «особых путей», вероятность которых могла бы проистекать из изменившегося геополитического положения страны [36, 93].

Став лидирующим государством в ЕС, Германия продолжила позиционировать себя как неотъемлемая его часть и играть роль мотора европейской интеграции, при этом «ни в коем случае не стремясь руководствоваться эгоистическими мотивами» [43, 78] и не мысля себя вне европейских институтов. Это подтверждают слова канцлера Г. Коля, заявившего в 1993 г., что для Германии нет альтернативы европейскому объединению, которое является залогом сохранения мира и свободы [7]. Поэтому знак равенства во многом был поставлен и между внешней по-

литикой ФРГ и ЕС. Показательным в данной связи стало высказывание министра иностранных дел Г.-Д. Геншера, согласно которому внешняя политика Германии «тем более национальна, чем более европейской она является» [14].

В условиях прекращения «холодной войны» и отсутствия угрозы вооруженного конфликта приоритетом для Германии и ЕС стала забота об экономическом благосостоянии и процветании, социальной и личной безопасности. Поэтому главные цели немецкой внешней политики в контексте их общеевропейского звучания были сведены к тому, что ФРГ и ЕС должны совместными усилиями избавиться от наследия прошедшей эпохи и стремиться к устранению разделительных линий в Европе [29, 258]. Приоритетной задачей стало также противодействие угрозам, исходящим из европейских «регионов нестабильности», под которыми подразумевались в первую очередь страны бывшего СССР и Восточного блока. В данном вопросе ФРГ взяла на себя роль «мирной силы», способствующей трансформации, экономическому прогрессу и приобщению пограничных государств к западной системе ценностей [24, 3-11; 20, 21-28]. В качестве наиболее действенного метода достижения этих целей немецкими политиками и экспертами рассматривалась интеграция проблемных регионов в ЕС [19, 11]. Поэтому содействие расширению Евросоюза в восточном направлении также стало одним из внешнеполитических приоритетов Германии.

Вместе с тем, с объединением ФРГ и ГДР на новый уровень вышло развитие не только немецкой государственности, но и национального самосознания. Важным фактором внешнеполитической самоидентификации Германии стало преодоление психологических барьеров прошлого. В общественном сознании немцев новое государство не рассматривалось в роли правопреемника Третьего рейха, поэтому со многих философских и политологических категорий было снято негласное табу. Так, Германия пережила ренессанс понятия «национальные интересы»,

и данный термин вновь стал одной из составляющих внешнеполитического дискурса [23, 20-28].

В основу этого дискурса лег уже поднимавшийся ранее «почти гамлетовский вопрос» о том, насколько совместимы следование национальным интересам и стремление к европейской интеграции, и в какой мере должна быть ориентированной на национальные интересы внешняя политика страны [29, 256]. В первые годы существования единой Германии ответ на этот вопрос трактовался в духе послевоенной традиции и был созвучен с приведенным выше высказыванием Г.-Д. Геншера. В эпоху канцлерства Г. Коля доминировали идеи евроатлантической солидарности, а национальные интересы предполагалось интегрировать в схему сбалансированных интересов единой Европы [28, 31; 36, 98]. Аналитики и официальные лица подчеркивали, что немецкие национальные интересы тождественны стратегическим установкам ЕС. Так, будучи еще депутатом Бундестага, Й. Фишер заявлял о преимущественной заинтересованности ФРГ в дальнейшем развитии интеграционных процессов, а не в настойчивом отстаивании национальных интересов [28, 33].

Однако на протяжении 1990-х гг. взгляды немецких руководящих кругов и общественности претерпевали эволюцию. Велись дискуссии о пересмотре внешнеполитических традиций, присущих прежней ФРГ в силу ее ограниченного суверенитета и неприемлемых для Германии в ее новом качестве. Стали выдвигаться требования четкой национальной ориентации внешней политики, которая выступала бы не только от имени Европы и Запада, но и от собственного лица [31, 56]. Во многом это было обусловлено тем, что в стране происходила смена политических элит. На место воспитанного на чувстве вины военного поколения политиков, полагавших, что демократия в Германии может развиваться лишь в конфронтации с ее прошлым, приходило послевоенное поколение, не отрицавшее важности исторической памяти, но и не несшее ответственности за преступления на-

цистского режима. Сознание данного поколения не было заражено «вирусом европейского идеализма», и если его представители и чувствовали себя европейцами, то скорее потому, что хотели, а не вынуждены были ими быть [36, 99; 28, 32]. Поэтому основной их чертой стало стремление не только к углублению европейской интеграции, но и к устранению дисбаланса между экономической и политической ролью ФРГ в мире.

Аналогичные изменения происходили и в общественном сознании. Как показал в 1997 г. анализ внешнеполитических установок населения, за согласие с остальными странами ЕС в вопросах внешней политики высказалось почти столько же граждан, сколько за самостоятельные действия на международной арене (52 % и 51 % соответственно), не обремененные муками совести за нацистское прошлое [11]. По результатам же проведенного в 2000 г. опроса общественного мнения, 49% участвовавших заявили, что национальным интересам страны не уделяется достаточного внимания. При этом лишь менее трети респондентов (28 %) назвали важнейшим немецким интересом развитие европейского единства [2]. В ходе общественных дискуссий было реабилитировано и вступило в процесс активного формирования и понятие немецкой нации. Это отчетливо проявилось в установках «поколения немецкого единства», выросшего в реалиях объединенной Германии. Так, согласно проведенному в 2000 г. опросу старшеклассников, 84 % их высказали желание изучать «немецкую нацию» в качестве учебного предмета [3].

Итогом трансформации идейных установок политических элит и общественности стало то, что в 1998 г. многолетняя гегемония во власти христианских демократов во главе с Г. Колем подошла к концу. На выборах победу одержала коалиция социал-демократов и «зеленых», а пост канцлера занял Г. Шрёдер. Это означало для Германии не просто смену одной правящей коалиции на другую, но и наступление новой эпохи. В лице Г. Шрёдера к власти пришло поколение лидеров, не желающих постоянно извиняться за свое

прошлое и не боящихся отстаивать национальные интересы. Новый «очень динамичный канцлер» придал внешнеполитическому курсу страны собственный стиль, отличающийся напористой прагматичностью [29, 255; 28, 32]. Вскоре после вступления в должность он заявил, что не усматривает ничего негативного в четком выражении Германией национальных интересов. По его мнению, нынешнему поколению немцев необходимо отстаивать их «столь же естественно, как это делают французы или англичане», а германская внешняя политика должна стать политикой «просвещенного собственного интереса» [10].

Конечно, подход Г. Шрёдера не ставил под сомнение существовавшую более полувека преэминентность Германии в образе действий на международной арене, которую ставший министром иностранных дел Й. Фишер назвал «добродетелью первостепенной важности» [4]. Он не означал отказа ни от направленной на поддержание мира и стабильности в регионе внешнеполитической доктрины ЕС, ни от европейской интеграционной политики. Изложенные еще до выборов в коалиционном соглашении «Прорыв и обновление – путь Германии в XXI столетии» внешнеполитические цели нового правительства были абсолютно традиционными, соответствовали западным стандартам и мало отличались от установок христианских демократов [1, 43-49].

Однако внешняя политика ФРГ обрела новый стиль, методы и стратегию. Европейская солидарность стала рассматриваться не как самоцель, а как составная часть решительной внешней политики, направленной на защиту национальных интересов. Присущая прежней Германии международная «предсказуемость», в которой она не уставала заверять мировое сообщество, стала обеспечиваться не столько возведением демократических ценностей в ранг внешнеполитических приоритетов, сколько реалистическим определением своих истинных, пусть даже эгоистичных, интересов на мировой арене и разумным их соотношением с

интересами партнеров [36, 99]. ФРГ осознала новую роль не только экономического, но и политического лидера Евросоюза и начала вести себя в соответствии со своим международным положением. Если раньше Европа имела дело с политически «неполноценной» Германией, стремившейся посредством участия в ЕС компенсировать этот недостаток, то теперь, по словам Г. Шрёдера, она стала «повзрослевшей нацией, которая не должна ощущать свою неполноценность» [6]. Таким образом, в новом столетии Евросоюз столкнулся с самоутверждающейся Германией, заинтересованной в его усилении и интеграции уже по иным, нежели прежде, причинам [41, 44].

Одна из этих причин заключается в том, что нормальное функционирование интеграционных механизмов единой Европы обеспечивает для ФРГ значительные экономические выгоды. По данным на 1994 г., за три с половиной десятилетия существования Европейского Сообщества немецкий экспорт в другие, входящие в его состав государства вырос с 14 млрд. до 365 млрд. марок. Поэтому адресованные странам ЕС постоянные призывы Германии к максимальному использованию возможностей по укреплению западноевропейской экономики в первую очередь обусловлены ее собственными интересами [40, 29]. Заметим, что потребность в расширении рынков для растущих оборотов национального экспорта также лежит в основе различного рода финансовых и экономических проектов, реализуемых ФРГ в рамках общеевропейской политики в Восточной Европе и на постсоветском пространстве.

Поддержка ФРГ процессов европейской интеграции осуществляется и из политических соображений. Некоторые исследователи уже давно высказывали предположение, что объединенная Германия способна подмять под себя интеграционные структуры ЕС и получить возможность «законным образом формировать Европу и ее политику согласно собственному образцу и интересам» [33, 185; 41, 54]. Конечно, открытое подтверждение этого тезиса трудно найти в работах немец-

ких политологов и высказываниях официальных лиц, которые, дабы избежать обвинений в национальном эгоизме, предпочитают рассуждать о «европейской Германии», но никак не о «Европе по-германски» [35, 71]. Однако в последние годы многие внешнеполитические шаги ФРГ говорят о том, что на место безоговорочной поддержки европейских инициатив пришел трезвый расчет с оглядкой на национальные интересы.

Не лишено оснований мнение о том, что новое руководство страны стремится к закреплению ее политического и экономического лидерства посредством германизации руководящих структур ЕС [34, 33-34]. На протяжении последнего десятилетия ФРГ активно выступает за преобразование внутренней структуры и механизма принятия решений Евросоюза. В 2000 г. Й. Фишер внес предложение по коренной трансформации институтов ЕС в мощные наднациональные органы и его преобразованию в жесткую федерацию, а также выступил за создание группы держав со статусом центра тяжести и ролью «локомотива» [5]. Немецкий министр иностранных дел аргументировал это тем, что, будучи рыхлой конфедерацией, расширяющийся Евросоюз вскоре окажется малоуправляемым, погрязнет в межправительственных соглашениях и переговорных сложностях. Однако за этим проектом институционального усиления ЕС легко угадывается стремление Германии по собственным правилам определять конфигурацию будущей Европы и занять в наднациональных структурах Союза командные высоты [32, 67; 35, 70].

Важным шагом в этом направлении можно считать результаты прошедшего в 2001 г. в Ницце саммита ЕС, где Германия добилась наибольшего представительства в Европарламенте, сохранила право вето по главным интересующим ее проблемам и способствовала принятию решения о квалифицированном большинстве при рассмотрении основных вопросов жизни Союза [13, 81-83]. По мнению экспертов, итоги саммита, во-первых, дали ФРГ возможность упрочить преимущество во франко-германском танде-

ме, в котором она на политическом уровне долгие годы выступала в качестве младшего партнера, и стать единоличным лидером в ЕС. Во-вторых, принятые в Ницце решения в преддверии расширения Евросоюза позволили Германии создать такие условия, когда не имеющим достаточного политического и экономического веса странам для продвижения своих инициатив придется обращаться к ней за помощью [35, 70-71; 32, 68]. Тем самым ФРГ уже до начала расширения ЕС получила рычаги давления на его потенциальных новичков.

Политического курса, целью которого было заставить Евросоюз работать на национальные интересы страны, новое германское руководство стало придерживаться и в финансово-экономической сфере. Так, критику в немецких политических кругах и недовольство общественности долгое время вызывало то, что на Германию приходилось почти 2/3 чистых расходов ЕС [29, 260]. Страна вносила в бюджет Союза такой же вклад, как Франция и Великобритания вместе взятые, однако из этих средств назад возвращалась лишь малая часть [32, 72]. О необходимости «восстановить равноправие» и уменьшить «чистые» взносы в кассу ЕС Г. Шрёдер поставил вопрос сразу после своего вступления в должность канцлера, обвинив своего предшественника Г. Коля в «распродаже интересов Германии» и заявив, что «время, когда Европа процветала за ее счет, ушло». Он подчеркнул, что страна и дальше готова играть роль финансового «мотора» ЕС, но не намерена продолжать «оплачивать чью-то нерадивость» [15].

Приверженность данному курсу подтвердила и занявшая в 2005 г. пост канцлера представительница ХДС А. Меркель. Примечательно, что теперь официальный Берлин мотивировал необходимость ограничить отчисления в европейский бюджет возросшими расходами на развитие гражданского общества в различных регионах мира. Подчеркивалось, что такого рода гуманитарные инвестиции (в том числе идущие и на подготовку различных «цветных» революций) от-

вечают интересам ЕС на глобальном уровне [34, 38]. Но, по мнению экспертов, речь здесь идет о политических технологиях двойного назначения. Сокращая отчисления в европейский бюджет, Германия получает возможность ликвидировать «паразитирование» на достижениях своей экономики других стран ЕС, далеко не всегда занимающих прогерманскую позицию по принципиальным внешнеполитическим вопросам. Кроме того, немецкие гуманитарные инвестиции хоть и работают на западное сообщество, но в первую очередь являются важнейшим фактором укрепления международных позиций самой ФРГ и усиления ее роли в Евросоюзе [34, 36-38].

В новом столетии к отстаиванию национальных интересов Германия стремится и во внешней политике. Главным образом это касается процесса расширения ЕС на Восток. При Г. Шрёдере развитие этого процесса также получило статус одного из внешнеполитических приоритетов страны [29, 257]. На официальном уровне расширение ЕС объяснялось необходимостью стабилизации и демократизации проблемных регионов и сглаживанию социально-экономических разрывов между Востоком и Западом во благо Евросоюза и ФРГ. Но не стоит забывать о том, что благодаря принятию в ЕС новых государств занимающая в нем доминирующие позиции Германия приобрела еще больший международный вес. Кроме того, продвижение ЕС на Восток открыло для такого крупного экспортера, как ФРГ, перспективу расширения гарантированных рынков для экспорта товаров и использования дешевой рабочей силы [32, 72]. Так, еще в 1999 г. в докладе фонда Бертельсманна говорилось, что поддерживающая интенсивные контакты с Восточной Европой и странами бывшего СССР Германия получит наибольшую выгоду от расширения ЕС [9]. Поэтому стремление к распространению в восточном направлении западных демократических ценностей (в том числе таких, как свободная торговля, открытые рынки, свободный доступ к источникам сырья и энергоресурсам)

также во многом обусловлено проводимой ФРГ активной экономической экспансией [30, 25].

Безусловно, для осуществления своих интересов в данном регионе Германии необходимо было создание по ту сторону восточной границы ЕС зоны политической и экономической стабильности. Поэтому Берлин всячески поддерживает усилия Брюсселя, направленные на успешное завершение трансформации в государствах Восточной Европы и на постсоветском пространстве, выступает в качестве движущей силы расширения ЕС и стремится к интенсификации политических и экономических контактов с восточными соседями Евросоюза. Но, как мы видим, Германия ставит перед собой более смелые, нежели ЕС, задачи. Поэтому справедливой, на наш взгляд, кажется точка зрения, согласно которой ФРГ предпочитает оказывать свое влияние в мировой политике преимущественно опосредованно, через ведущие международные организации [33, 184]. В этом плане ЕС является подходящим инструментом для реализации восточноевропейской стратегии немецкого руководства, «коллективным прикрытием» для индивидуального пользования [42, 14]. В качестве иллюстрации данного тезиса можно рассматривать мнение известного немецкого аналитика Й. Янинга, считающего, что для Германии расширение ЕС в восточном направлении и стремление приблизить к его стандартам соседние государства постсоветского пространства является почти идеальным способом перенесения собственных интересов в рассматриваемом регионе на европейский уровень [26, 35].

Проведению Германией самостоятельной политики в рамках Евросоюза во многом способствует и явная слабость его внешнеполитического инструментария. Сам факт наличия у ЕС единой внешней политики иногда вообще подвергается сомнению, так как голоса всего одной из входящих в его состав стран достаточно для блокирования общей инициативы [19, 11]. С другой стороны, отмечается отсутствие единой европейской

ментальности и самосознания. В своих международных инициативах ЕС стремится к утверждению расплывчатых общеевропейских ценностей, трудно реализуемых на практике в рамках единого внешнеполитического процесса. Не являясь ни государством, ни нацией, ЕС не обладает общностью национальных интересов, которые призвана воплощать в жизнь внешняя политика [37, 78-79].

В отличие от ЕС, современная Германия, являющаяся национальным государством и выступающая как самостоятельный субъект геополитики, имеет разветвленную и постоянно совершенствующуюся систему институционального обеспечения своих политических и экономических интересов. При этом ФРГ опирается не только на традиционные методы МИДа, но и на неправительственные организации и политические фонды, успешно действующие там, где обычная дипломатия бывает бессильна [39, 10-16] (примером тому может служить активная деятельность близкого к партии ХДС/ХСС Фонда Конрада Аденауэра по подготовке и осуществлению оранжевой революции на Украине) [34, 116]. Посредством богатого внешнеполитического инструментария Германия также решает сразу две задачи. Способствуя реализации стратегических установок Евросоюза, ей удается проводить автономную внешнюю политику и подспудно лоббировать свои интересы, политически утверждаясь и осуществляя экономическую экспансию в граничащих с ЕС странах.

Таким образом, обретение Германией полного суверенитета и появление национального самосознания привели к формированию новой внешней политики, во главу угла которой были поставлены национальные интересы. ФРГ вернулась на международную арену в качестве активного и независимого действующего лица, сохранив при этом преимущество ключевых внешнеполитических приоритетов. Немецкие политологи и официальные лица продолжают говорить о необходимости реализовывать свои интересы, исходя из интегрированности в структуры ЕС. Однако данное постоянство при-

оритетов отнюдь не означает неизменности внешнеполитической стратегии, одной из главных черт которой стал поиск нового баланса между европейской интеграцией и национальными интересами [36, 98]. Параллельно с усилиями по созданию сильной и единой Европы Германия наращивает традиционную внешнеэкономическую и внешнеполитическую экспансию суверенного государства. По замечанию отечественного германиста А.К. Никитина, на сегодняшний день в мире нет ни одного значимого региона, где не были бы представлены немецкие компании и обслуживающие интересы германской внешней политики гуманитарные фонды и где бы ФРГ не лоббировала свои экономические и политические интересы [34, 13].

Постсоветское пространство в этом плане также не является исключением. В настоящее время объединенная Германия вновь заняла свою историческую нишу центрально-европейской державы, для которой интересы на Востоке не менее важны, чем на Западе. Взаимодействие со странами Восточной Европы и бывшими советскими республиками является на данный момент одной из наиболее приоритетных внешнеполитических задач ФРГ. По мнению отечественных экспертов, возникший в результате распада Восточного блока и СССР вакуум Германия целеустремленно использует для наращивания собственного экономического и политического присутствия в регионе [30, 22-23]. После завершившегося в 2007 г. очередного этапа расширения ЕС именно государства постсоветского пространства стали особенно привлекательными для Германии как в контексте вовлечения в свою политическую орбиту, так и с точки зрения реализации экономической стратегии. На наш взгляд, данное обстоятельство при разработке своих внешнеполитических концепций должна непременно учитывать Россия, которая не только является важнейшим стратегическим партнером Германии, но и имеет собственные традиционные интересы в указанном регионе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Aufbruch und Erneuerung. Koalitionsvertrag zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands und BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. Bonn, 20. Oktober 1998 [Электронный ресурс] // Internet Archive [сайт]. URL: http://ia700309.us.archive.org/27/items/AufbruchUndErneuerungDeutschlandsWegIns21.Jahrhundert/1998_Koalitionsvertrag.pdf (дата обращения: 12.02.2011).
2. Busse N. Nie wieder nationales Interesse // Frankfurter allgemeine Zeitung. 17. Juli 2000.
3. Der Spiegel. 2000. № 40. S. 172.
4. Die Rede des Bundesministers des Auswärtigen J. Fischer bei der Mitgliederversammlung der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik am 24 November 1999. № 12. S.75.
5. Die Rede von J. Fischer in der Humboldt-Universität in Berlin am 12. Mai 2000 // Die Zeit. 12. Mai 2000 [Электронный ресурс] // Zeit Online [сайт]. URL: http://www.zeit.de/reden/europapolitik/200106_20000512_fischer?page=all (дата обращения: 05.02.2011).
6. Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder. Bonn, 10. November 1998. Bonn, 1998.
7. Erklärung der Bundesregierung zur Sondertagung des Europäischen Rates in Brüssel // Bulletin. 1993. № 99. S. 1106.
8. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Электронный ресурс] // Gesetze im Internet. Ein Service des Bundesministerium der Justiz in Zusammenarbeit mit der juris GmbH [сайт]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gg/gesamt.pdf> (дата обращения: 10.02.2011).
9. IFO – Schnelldienst. 2000. № 31.
10. Internationale Politik. 1999. № 11. S. 17.
11. Köcher R. In der deutschen Provinz // Frankfurter allgemeine Zeitung. 10. Sept. 1997.
12. Vertrag über die abschliessende Regelung in Beziehung auf Deutschland vom 12. September 1990 [Электронный ресурс] // Die historische Dokumenten- und Quellensammlung zur deutschen Geschichte ab 1800 [сайт]. URL: <http://www.documentarchiv.de/brd/2p4.html> (дата обращения: 15.02.1011).
13. Vertrag von Nizza. *Amtsblatt der Europäischen Gemeinschaften Nr. C 80 vom 10. März 2001* [Электронный ресурс] // *EUR-Lex* [сайт]. URL: http://eur-lex.europa.eu/de/treaties/dat/12001C/pdf/12001C_DE.pdf (дата обращения: 15.02.2011).
14. Доклад Г.-Д. Геншера в Вене 14.09.1989. // Der Bundesminister des Auswärtigen. Mitteilungen für die Presse. № 1134/89.
15. Известия. 1998. 11 дек.

Литература:

16. Bahr E. Sicherheit für und vor Deutschland. Vom Wandel durch Annäherungen zur Europäischen Sicherheitsgemeinschaft. München/Wien: Hanser, 1991. 179 с.
17. Bredow W., Jäger T. Neue deutsche Aussenpolitik. Nationale Interessen in internationalen Beziehungen. Opladen: Leske und Budrich, 1993. 249 с.
18. Bohrer K.-H. Provinzialismus // Merkur 44 (1990). S. 1100.
19. Ehrke M. Die Europäische Union und der postkommunistische Raum: Integration, Europäische Nachbarschaftspolitik und strategische Partnerschaft // Kompass 2020. 2007. № 5. S. 1-23.
20. Gasteyger C. Neue Konturen europäischer Sicherheit // Internationale Politik. 1996. № 12. S. 21-28.
21. Hacke C. Weltmacht wider Willen. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart: Klett –Cotta, 1988. 544 с.
22. Hassner P. Nationalstaat – Nationalismus – Selbstbestimmung // Die neue Weltpolitik. Baden-Baden: Nomos, 1996. S. 95-107.
23. Hellmann G. Deutschland, Europa und der Osten // Internationale Politik. 2007. № 3. S. 20-28.
24. Herzog R. Die Grundkoordinaten deutscher Aussenpolitik // Internationale Politik. 1995. № 4. S. 3-11.
25. Joffe J. Deutsche Aussenpolitik – postmodern // Internationale Politik. 1995. № 1. S. 43-45.
26. Kaiser K., Krause J. Deutschlands neue Aussenpolitik. Band 3. München: R. Oldenbourg Verlag, 1996. 284 с.
27. Schwarz H.-P. Die gezähmten Deutschen. Von der Machtbesessenheit zur Machtvergessenheit. Stuttgart: DVA, 1985. 191 с.
28. Амплеева А.А. Трудный путь к единству // Актуальные проблемы Европы. 2001. № 1. С. 8-37.
29. Белякова Т.В. Политика Германии в отношении Европейского Союза после прихода к власти кабинета Г. Шрёдера // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 3. С. 255-264.
30. Вяткин К.С. Бремя итогов – время перемен: восточные горизонты европейской политики Германии. М.: Институт Европы РАН, 1999. 40 с.
31. Имангалиев Р.Н. Новая Германия в меняющемся мире: международное положение и внешняя политика Германии на рубеже XX–XXI вв. Казань: Новое знание, 2006. 252 с.
32. Иорданская Э.Н. Расширение ЕС на Восток: позиции Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 2. С. 67-74.
33. Линк В. Германия – как европейская держава // Актуальные проблемы Европы. 2001. № 1. С. 169-187.

34. Никитин А.К. Современная внешнеполитическая стратегия ФРГ. М.: [б. и.], 2008. 319 с.
35. Павлов Н.В. Внешняя политика Берлинской республики: новый «германский путь»? // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 2. С. 63-75.
36. Погорельская С.В. Внутривнутриполитические аспекты новой германской внешней политики // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 7. С. 91-100.
37. Погорельская С.В. Должна ли Европа «говорить одним голосом»? Некоторые проблемы формулирования внешней политики ЕС // Актуальные проблемы Европы. 2003. № 4. С. 69-83.
38. Погорельская С.В. Конституция versus демократия? Некоторые аспекты «Конституции» Евросоюза // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 54-63.
39. Погорельская С.В. Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике Федеративной Республики Германии. М.: Наука, 2007. 208 с.
40. Размеров В.В. Объединённая Германия: уроки и перспективы // Объединённая Германия в Европе и мире: сб. ст. / РАН, Институт мировой экономики и международных отношений; гл. ред. В.В. Размеров. М.: ИМЭМО, 1994. С. 7-43.
41. Стрельцова М. Германия и Европейский Союз // Объединённая Германия в Европе и мире: сб. ст. / РАН, Институт мировой экономики и международных отношений; гл. ред. В.В. Размеров. М.: ИМЭМО, 1994. С. 43-66.
42. Фёдоров В.П. Россия в ансамбле Европы. М.: Институт Европы РАН, 2002. 63 с.
43. Шёлген Г. Страх перед силой. М.: АО «Буклет», 1994. 94 с.

УДК 811.133.1

Иванов П.А.

Военный университет Министерства обороны РФ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА НАТО ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ЛИВИИ

P. Ivanov

*Military University of the Ministry
of Defence of the Russian Federation*

MASS MEDIA SUPPORT OF NATO'S MILITARY INTERVENTION IN LIBYA'S INTERNAL AFFAIRS

Аннотация. В статье рассматриваются особенности информационного обеспечения военного вмешательства НАТО во внутренние дела Ливии. Предпринята попытка проанализировать эти события, выявить характерные черты их освещения западными СМИ, продемонстрировать на конкретных примерах способы и механизмы, к которым прибегают авторы западных газет для осуществления языкового манипулирования сознанием, показать нарушения резолюции, которые были допущены в ходе проведения вмешательства во внутренние дела этого североафриканского государства, но не получили широкой огласки.

Ключевые слова: информационное воздействие, пропаганда, военная интервенция, общественное мнение, мандат, резолюция ООН.

Abstract. The article considers the features of mass media of NATO's military intervention in Libya's internal affairs. The author attempts at revealing the characteristic features of western mass-media behavior in reporting the events and gives concrete examples of ways and mechanisms used by western reporters to manipulate public consciousness during NATO's military intervention into this North African state.

Key words: informational influence, advocacy, military intervention, public opinion, mandate, UN resolution.

© Иванов П.А., 2012.